

весьма плодотворным для целого спектра вопросов, обсуждаемых в теории фирмы.

Таким образом, теории и наблюдения Саймона о принятии решения в организациях оказываются в полной мере применимыми к системам и технике планирования, формированию бюджета и проведению контроля как в сфере бизнеса, так и в административном управлении. Они служат прекрасной основой для эмпирических исследований. Современные экономические теории бизнеса и исследования процессов управления также в значительной степени базируются на идеях Саймона.

Важное значение для развития теории организации имеет введенная Саймоном в научный обиход концепция *процедуры*, которая явилась одним из ключевых элементов алгоритмов формализации процессов принятия управленческих решений. Однако процедура годится для краткосрочного периода времени, потому что дальше ситуация просчитывается все сложнее. Начинается то, что Саймон называл ограниченной (или связанной) рациональностью (*bounded rationality*). Обыкновенный человек имеет ограниченные аналитические способности. Появление и объяснение процедур, согласно Саймону, как раз и сводится к желанию человека (и объективной необходимости) свести к минимуму число всевозможных вариантов комбинаторных задач, возникающих в процессе управления.

С 1949 г. в рамках Технологического института Карнеги была учреждена Высшая школа промышленной администрации. Саймон с сотрудниками поставили перед собой цель – обеспечить образование в сфере бизнеса на основе фундаментальных разработок в области экономики и поведенческой науки (*behavioral science*). Им удалось в ее осуществлении пойти в ногу со временем, когда на горизонте появились новые методы в науках о менеджменте, а также быстродействующие электронные вычислительные машины. Были выведены правила оптимального решения в условиях определенности, основанные на концепциях семантических сетей (графов), ролевых структур в организации и процедур. Это позволило применять формализованную технику анализа также и в условиях неопределенности с использованием моделей ограниченной рациональности. Но без знаний в области психологии, считал Саймон, кристаллизующихся, в частности, в рамках дисциплины “экономическая психология”, оптимальных решений в сфере бизнеса и административного управления достичь невозможно.

В своей научной биографии Саймон с полными основаниями писал: «Моя “политическая активность” в сфере науки, включая перечисленные и все иные инициативы, осуществлялась в соответствии с двумя ведущими принципами: трудиться по “усилению” позиций социальных наук, чтобы они были лучше оснащены необходимыми средствами для решения сложных задач и содействовать тесным связям между учеными-естественниками и гуманитариями, чтобы они могли совместно привносить свои специальные знания и умения в решение многих комплексных вопросов публичной политики, для чего нужна мудрость и первых, и вторых». О том, что сделали первые, написано в некрологе, опубликованном в “Психологическом журнале” (№ 3, 2001). Менее известно то, что он сделал для вторых, и приводимая лекция в чем-то заполняет этот пробел.

Выполняя свой завет о необходимости союза между учеными-естественниками и гуманитариями, а также ведущей роли психологии в этом союзе, Саймон уже после получения Нобелевской премии выпустил ряд трудов, закрепивших позиции его междисциплинарного подхода к проблемам экономической жизни и вопросам экономической науки. В их числе “Модели мысли” (“Models of Thought”, 1979), “Модели ограниченной рациональности” (“Models of Bounded Rationality”. 2 vols., 1983), “Разум в человеческих делах” (“Reason in Human Affairs”, 1984).

В 1984 вышел сборник посвященных ему работ “Страсть к познанию” (“A Passion to Know”). Мы видим следы этой страсти и в приводимой лекции, открывшей новые горизонты исследований в области экономической психологии.

Саймон на основании лекции написал обширную статью, в которой привел результаты своих исследований в области, в первую очередь, экономической психологии. Ее перевод публикуется с любезного разрешения Нобелевского комитета, предоставившего право на русскоязычное издание трех томов лекций лауреатов Нобелевской премии по экономическим наукам издательской группе Высшей школы экономики.

И.Е. Задоржнюк,
канд. философских наук,
редактор отдела “Психологического журнала”,

С.М. Пястолов,
Высшая школа экономики,
ст. преподаватель, Москва

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

СОЦИАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ – ПОНЯТИЕ И КОНЦЕПЦИЯ: ИТОГИ ПОСЛЕДНЕГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ

© 2001 г. Т. П. Емельянова

*Канд. психол. наук, доцент, зав. кафедрой социальной психологии,
декан факультета психологии Тверского государственного университета, Тверь*

Рассматриваются причины возрастания популярности концепции социальных представлений в последнее десятилетие, а также анализируется неоднозначность понимания ее методологии в различных социально-психологических школах. Предпринимается попытка показать двойственность статуса этой концепции как социально-когнитивистской и социально-конструкционистской. Анализируются новые разноплановые направления, возникшие в последнее десятилетие в рамках концепции: центральное ядро и периферия социального представления (Абрик); организующие принципы метасистемы (Дуаз); эпистемология социальных представлений (Маркова); социальные представления, понятые через механизм коллективного коупинга (Вагнер). Намечаются возможные линии развития концепции социальных представлений в будущем.

Ключевые слова: социальные представления, социальный когнитивизм, социальный конструктивизм, коллективный коупинг, дискурсивная психология, консенсусный универсум.

40 лет назад, в 1961 г., в Париже вышло в свет первое издание работы Сержа Московичи “Психоанализ, его образ и публика”, явившейся итогом его диссертационного исследования. Книга стала эпохальным событием, открыв собой “эру социальных представлений”.

В настоящей статье мы попытаемся проанализировать современные тенденции, проблемы и перспективы, которые вырисовываются по итогам последнего десятилетия развития концепции социальных представлений (СП).

Сегодня можно смело утверждать, что исследования СП успешно развиваются как интенсивно, так и экстенсивно; созданы адекватные институциональные рамки для объединения и коммуникации исследователей СП. Каждые два года, начиная с 1992 г., проводятся международные конференции, посвященные СП, учреждена Ассоциация по их изучению, действует Международная информационная сеть, постоянно расширяется география исследований. Новый подход Московичи приобрел статус одной из наиболее влиятельных и авторитетных парадигм в западноевропейской науке, вклад которой в эволюцию социальной психологии оценивается отечественными авторами как значительный [2, 12].

Внешние причины привлекательности концепции достаточно очевидны: это использование научного языка, общего для различных социально-психологических школ, социальная актуальность и злободневность эмпирических исследований, плюрализм в операционализации самого понятия, возможность установления связей с

другими социальными науками. Между тем, внешняя “понятность” и “определенность” данного подхода, “легкость” следования ему в действительности оказываются только видимостью, создавая разночтения методологического характера. Это привело к широким теоретическим дискуссиям как вокруг базовых положений концепции, трактовки самого понятия, так и вокруг адекватности эмпирических программ и технических приемов исследования СП. В статье предпринята попытка показать не всегда очевидный постмодернистский дух концепции и проследить основные линии развития ее теории и методологии.

МЕЖДУ СОЦИАЛЬНЫМ КОНСТРУКЦИОНИЗМОМ И СОЦИАЛЬНЫМ КОГНИТИВИЗМОМ

Согласно общепринятой систематике подходов, существующих в психологии социального познания и отраженной в ряде авторитетных изданий [16, 34], концепция СП является одним из вариантов западноевропейского социального когнитивизма. Она в известном смысле противопоставляется традициям североамериканской науки, заложенным Г. Олпортом (см. [1, 12]). В противовес индивидуалистическому крену в социальном когнитивизме за океаном, где социальным остается только предмет познания, “социальное представление выступает как фактор, конструирующий реальность не только для отдельного индивида, но и для целой группы” [1, с. 209]. В отличие от строго социально-когнитивистского подхода с

его метафорой “обработки информации”, подход, основанный на СП, выглядит более адекватным с социально-психологической точки зрения, так как учитывает социальный контекст и ориентируется на коллективного субъекта [16].

Однако часто декларируемое близкое родство концепции социальных представлений и социального когнитивизма (см., например, [29]) не вполне правомерно. С одной стороны, СП, или “теории здравого смысла”, – это элементы социального знания. А с другой – онтологически они не “представляют” объект, но являются объектами, сконструированными социальной группой. Для социального когнитивизма характерно: обсуждать вопросы освоения социальным субъектом социальной информации через аттитюды и ее переработки с помощью схем, атрибутивных механизмов; решать проблемы “правильности” отражения информации и ставить другие типично когнитивистские цели. Между тем, логикой исследования СП определяются задачи анализа социальной реальности через изучение коммуникации и практики социальных групп. “Будем же помнить о том, – говорит Московичи, – что наши представления основаны не на тех вещах и ситуациях, которые в них упоминаются, они основаны на коммуникации, касающейся этих вещей и ситуаций. В этом смысле они социально разделяются до того, как усваиваются людьми. Это окончательно проясняет тот факт, почему процесс коммуникации оформляет и трансформирует наши разделяемые представления” [33, с. 167]. СП – это не представления об объекте, существующем независимо от социальных субъектов, это и есть объект, который не может существовать независимо от действующих социальных субъектов [32, 38]. Данные положения действительно с трудом вписываются в традиционный социальный когнитивизм.

Впрочем, определенно можно сказать, что в своих истоках концепция СП была конструкционистским подходом, заявившим о себе раньше, чем наметилась собственно конструкционистская линия [24, 25] в социальной психологии. “Под социальными представлениями мы подразумеваем набор понятий, убеждений и объяснений, возникающих в повседневной жизни по ходу межличностных коммуникаций. В нашем обществе они являются эквивалентом мифов и систем верований традиционных обществ; их даже можно назвать современной версией здравого смысла. Наш подход фокусируется на том, как люди думают и создают свою разделяемую реальность, а также на содержательном аспекте их мышления” [31, с. 181]. Московичи здесь, как и в других местах, постоянно и настойчиво подчеркивает не только факт сконструированности СП, но и преобладающую роль дискурса – разговорного процесса, межличностной коммуникации в их создании. При

этом он отмечает, что СП всегда проявляются в результате напряженности, возникающей между отдельными людьми и между коллективами. Вне такой напряженности, неопределенности речь может идти о предмете когнитивной психологии или социологии знания, а не социальных репрезентациях [32, с. 386].

Что касается методологической квалификации своего подхода, Московичи еще в 1990 г. указывает на нее совершенно однозначно: «Англоговорящие авторы редко уделяют достаточно внимания теории социальных представлений. Возникает вопрос “почему?” Ведь эта теория, можно сказать, лежит в основании эпистемологии дискурса и социального конструирования» (там же, с. 383). Если они и уделяют внимание, добавим: зачастую в форме полемики и критики, приписывая концепции СП превалирование индивидуальных механизмов в “заякоривании” представлений, а также преобладание индивидуальной мотивации в превращении незнакомого в знакомое. Типичными мишенями критиков 80-х годов были центрированность на описании содержания СП, недостаточное внимание к процессам возникновения, распространения и изменения СП, что в значительной степени было восполнено работами 90-х годов. Тем не менее, полемика вокруг методологических основ концепции приобретает в 90-е годы такой размах [12, 13], который, с одной стороны, может быть воспринят как свидетельство известности и прочности ее позиций, а с другой – наводит на размышления о непонятности и неверном толковании теоретических основ концепции.

Пытаясь разобраться в этом, вспомним, что постмодернизм ассоциируется прежде всего с критическими тенденциями в оценке научного знания, с акцентированием на его социально-исторической и политической природе, с подрывом основ позитивистской науки, с оспариванием самого понятия действительности [24]. Вот уже три десятилетия психология находится на перепутье между модернизмом и постмодернизмом [28]. Социально-конструкционистское движение [25] стало одним из подходов в психологии, пытавшихся дискредитировать позитивистскую когнитивную психологию, вскрывая ее культурные и политические основания. Парадоксально, но мишенью критики становится и концепция СП, в частности, за сильный контраст между “овеществленным универсумом” науки и “консенсусным универсумом” здравого смысла. По той же постмодернистской логике эта концепция обвиняется в том, что носитель современного здравого смысла – ученый-любитель – имеет отношение только к представителям среднего класса и не имеет универсального значения для всех слоев современного развитого общества. Московичи удается отвести это обвинение [32], характеризующееся своей

типичностью. Таким образом, концепция СП воспринимается некоторыми авторами из конструктивистского лагеря как типичная социально-когнитивная схема, а когнитивистами – как методологически вторичный когнитивный подход. И дело здесь, вероятно, не в неоднозначности теоретических текстов, которые, например, как приведенные выше, практически не допускают разночтений. По-видимому, недоразумения возникают из обширной практики эмпирических исследований. Их авторы демонстрируют, по словам В. Вагнера, “недостаточный интерес к той роли, которую играют дискурс, практика и объективация в конструировании социально представленного мира” [36, с. 95]. В случаях, упоминаемых им, СП выступают не более чем макросоциальное дополнение к социально-когнитивистскому подходу.

В этой связи интересны попытки со стороны дружественно настроенных критиков концепции СП соотнести ее возможности с подходом, опирающимся на аттитюды. К. Фрэйзер [23, с. 15], в частности, полагает, что понятия “социальные представления” и “аттитюды” очень близки по категориальному наполнению, которое им изначально придавали Томас и Знанецки, трактуя их как точки зрения на мир, разделяемые социальными группами. Однако уже в 30-х годах в работах Олпорта понятие аттитюда утрачивает свой первоначальный смысл и “индивидуализируется”, превращаясь в инструмент измерения межличностных различий (там же). Тем самым СП теперь восполняют пробел в исследованиях крупномасштабных социальных процессов. Фрэйзер полагает, что перспективным было бы изучение СП как структурированных систем аттитюдов, т.е. того, как люди понимают уже широко распространенные и принимаемые СП (там же, с. 17). Подобное предложение – пример того, как за концепцией СП не признают ее специфичности, видя в ней всего лишь подход, позволяющий анализировать распространенные и консенсусные убеждения наряду с подходами, опирающимися на идеологию или общественное мнение.

Полемика о сомнительности родства концепции СП с когнитивизмом не утихает. В 1996 г. выходит специальный выпуск “Журнала по теории социального поведения”. Здесь ведущие исследователи СП – Вольфганг Вагнер, Ивана Маркова, Мишель-Луи Рукетт и другие – приводят новые аргументы, как уточняющие отношения между СП и социальным познанием, так и защищающие теорию от постмодернистского релятивизма, «который иногда переходит всякие границы и сближается с “окультизмом”» [37, с. 93]. В этом обсуждении преобладают аргументы в пользу коренных отличий концепции СП от традиционного когнитивизма. Аргументы можно объединить в несколько групп по темам: “СП и социальное ок-

ружение”, “СП и проблема объекта”, “Вопросы истинности СП и преднамеренности социального конструирования”.

Утверждение связи СП с локальным миром группы, по мнению Вагнера, резко отличает этот подход от социального когнитивизма и объединяет его с социальным конструкционизмом. “Представление, – пишет он, – это концептуальный пирожок, сделанный из мира-теста силами дискурса, консенсуса и социального поведения” [36, с. 109]. Групповая природа СП, его разделяемость членами группы и выработка в процессе социального взаимодействия постоянно подчеркивались Московичи. Тем не менее, согласно традиции когнитивизма, североамериканские авторы привычно видели в нем “фотографию”, “изображение”, существующее в индивидуальном сознании, что, возможно, обусловлено буквальным значением слова “*representation*” в английском языке [37, с. 93]. Между тем, “представление” в логике концепции изначально рассматривалось как динамический социальный процесс группового конструирования социального объекта.

Понятие “объект” является здесь ключевым и составляет особую тему методологических рассуждений. Вагнер заостряет этот вопрос таким образом: “Представляет ли СП объект?” и отвечает на него отрицательно. Понимание представления как *представления о чем-то* является движением в сторону индивидуализма и свойственно традиционному социальному когнитивизму. Конструкционистская логика представлений, заложенная Московичи, предполагает, что объекта, независимого от людей и имеющего социальное значение, просто не существует. Объект предлагается рассматривать как своего рода *внутреннее видение* [36, с. 115]. Сконструированное таким образом социальное окружение существует для людей как должное, как привычный умственный ландшафт, как онтологическая реальность. Основной задачей подхода, опирающегося на СП, как раз и является изучение того, *как* люди и группы конструируют стабильный и предсказуемый мир из набора различных феноменов, *какой* тип логики они используют [26, с. 180].

На вопрос “Может ли СП быть истинным или ложным?” Вагнер также отвечает отрицательно. Ведь в теории СП истина имеет консенсусную природу. Московичи использовал понятие доверительной истины, вырабатываемой на основе доверия, испытываемого к информации и суждениям, которые мы разделяем с другими людьми. Обобщая традицию рассуждений об истинности СП в рамках теории, Вагнер заключает: “Не существует никакого другого *социально* релевантного критерия истинности для любых групповых представлений, кроме собственного свидетельст-

ва группы, которое определяется дискурсно" [36, с. 105].

Для уточнения методологических позиций концепции Вагнер поднимает еще один вопрос: "Является ли социальное конструирование преднамеренным действием?" Говоря о социальном конструировании, вместо терминов "действие" или "поступок" он предлагает употреблять "событие".

Конструктивное событие – это такое событие, в ходе которого в мире нечто называется, снабжается атрибутами и ценностями и интегрируется в *социально значимый мир*. Это нечто становится социальным объектом только в групповой системе здравого смысла по ходу взаимодействий, в которых действующие лица, относящиеся к группе и разделяющие одно представление, в соответствии с тем, что является релевантным в данном контексте, принимают участие (там же, с. 110). Таким образом, конструирование СП нельзя считать преднамеренным действием, оно является событием, происходящим помимо какого-то специального намерения людей. Этот вопрос касается проблемы осознанности СП, которую поднимает Маркова: "...социальное окружение существует для людей как их онтологическая реальность, т.е. нечто, что ставится под сомнение только при особых обстоятельствах. Могушество таким предполагаемым онтологическим реалиям придает именно недостаточная осознанность людьми их существования" [26, с. 180]. Итак, и процесс, и продукт социального конструирования признаются нерелефлексивными. Такая квалификация СП заставляет задуматься о том, насколько эта теория вписывается в традиционную социально-когнитивистскую методологию.

РАЗВИТИЕ НОВЫХ НАПРАВЛЕНИЙ В РАМКАХ КОНЦЕПЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

В своем выступлении на V Международной конференции, посвященной СП (Монреаль, 2000), ее президент Уильям Дуаз отметил своеобразную ситуацию, сложившуюся сегодня внутри концепции, а именно – образование нескольких относительно самостоятельных течений в русле единого концептуального подхода. Он считает, что такое положение дел оправдывается принципиальным и изначальным плюрализмом концепции. Аналогичное наблюдение делает Вагнер [38], отмечая появление многочисленных частных направлений в исследовании СП. На этом основании он говорит о существовании скорее парадигмы социальных представлений, чем единой теории в строгом смысле этого слова [28, с. 247]. Действительно, парадигмальный характер созданной Москвичи концепции пробуждает у ее

последователей то новые мысли, касающиеся структурных аспектов самого феномена, то методологические аллюзии и попытки соотнести ее с другими подходами, то потребность доказать и подтвердить самобытность самой идеи СП. Между тем, анализируя панораму современных исследований, наблюдая не только за многочисленностью возникших в рамках концепции направлений, но и за их разноплановостью и как следствие – за некоторыми диспропорциями в развитии базовой методологии и практики эмпирических работ, все же сохраняешь ощущение единой внутренней логики. Может быть, дело в том, что эти отдельные направления вовсе не отступают от изначальных положений Москвичи, но стремятся их по-своему уточнить и развить. Здесь мы остановимся только на наиболее заметных из таких частных направлений.

Центральное ядро и периферия социального представления. Это направление, заявленное Жан-Клодом Абриком и его сотрудниками еще в 80-х годах [30] и активно развивавшееся в 90-х [14], по праву можно считать не только достаточно разработанным, но и породившим большое количество эмпирических работ. Исследователей привлекает прозрачность операционализации понятия СП, предложенной Абриком. В СП существует центральное ядро, которое связано с коллективной памятью и историей группы; оно определяет гомогенность группы через консенсус; стабильно, связно и устойчиво; не очень чувствительно к конкретному контексту; позволяет определять значение СП и его организацию. В свою очередь, периферическая система обеспечивает интеграцию индивидуального опыта каждого члена группы и поддерживает ее гетерогенность. Эта система подвижна, несет в себе противоречия, чувствительна к определенному контексту, адаптируется к конкретной реальности, допускает дифференциацию содержания, предохраняет центральное ядро от внешних воздействий [14, с. 76].

Эмпирические исследования ядра и периферии СП в течение последних пяти лет проводились непрерывно. Во многом благодаря им удалось обнаружить, что структура представления зависит от изменения аттитюда, но меняется при этом только периферическая система, а ядро остается стабильным. Были доказаны некоторые закономерности функционирования ядра: так, его элементы могут активизироваться в разной степени в зависимости от контекста; на факт активации влияют критичность ситуации и уровень практического освоения объекта группой. Большое влияние оказывают также контекст высказывания и характеристики нормативной модели [15].

Исследователи, работающие в рамках теории ядра и периферии, сталкиваются с методическими затруднениями, по-видимому связанными с не-

которой методологической неопределенностью. Самые заметные из них – способы разграничения ядерных и периферических элементов, или, другими словами, “контроль центральности”. Теоретики этого направления открыто возражают против контроля центральности, применяя, например, показатели частотности элементов. Абрик предлагает в качестве альтернативы контролировать центральность какого-либо элемента, производя вычисления общей и частной валентности и таких специальных индексов, как индекс позитивных оценок и др. [15]. Несмотря на видимые успехи и популярность теории ядра и периферии, нужно отметить, что отношение к ней в стане теоретиков концепции неоднозначно. Так, Дуаз считает, что подобный путь изучения содержания СП создает иллюзию их автономного, внеконтекстного существования [17, с. 189], а Вагнер замечает, что такого рода крен в исследовании структуры СП по сравнению с процессом репрезентации скорее сближает эту теорию с социально-когнитивной традицией, чем развивает заложенный в ней конструкционистский дух [38].

Организующие принципы метасистемы. Автор этого направления Уильям Дуаз представил его в развернутом виде в 1992 г. [17, 18], а затем, в течение последних лет, подвергал эмпирической проверке и верификации; обобщающая статья “Права человека, изучаемые как социальные представления в кросснациональном контексте” опубликована в 1999 г. [19]. Дуаз затрагивает один из самых “узких” моментов в концепции Московичи: как индивидуальная когнитивная деятельность индивидов связана с феноменами коллективного сознания? Действительно, наличие индивидуального сознания у членов социальных групп никем из идеологов концепции на первый взгляд не оспаривается, однако вопрос о том, как сосуществуют два мира сознания, в достаточной степени проработан не был.

Дуаз отталкивается от идеи Московичи о том, что существуют две взаимодействующие когнитивные системы: одна – операциональная, работающая на основе ассоциаций, поиска различий и т.п., а другая – нормативная, которая контролирует, верифицирует, отбирает материал с помощью каких-то правил. То есть речь идет о какой-то “метасистеме”, которая перерабатывает материал, производимый первой. “Объяснять СП, – говорит Московичи, – также значит объяснять, почему некоторые когнитивные убеждения, подвергающиеся обсуждению и обдумыванию, изменяют свою природу и становятся нормативными или экстраординарными, как это случилось с правами человека около двадцати лет назад” [33, с. 166]. Развивая эту мысль Московичи, Дуаз вводит понятие “организующие принципы метасистемы” [18, с. 13]. Согласно этим принципам, к организации материала могут предъявляться раз-

личные требования: в случае научной деятельности – применение строгих логических правил, а в ситуации конфликта группы с другой группой – направленность на защиту ее единства. Дуаз концептуально связывает понятие организующих принципов с СП: “Важной проблемой в изучении СП является то, что их материя состоит из собрания человеческих мнений, аттитюдов или предрассудков, из которых нужно реконструировать организующие принципы, общие для человеческих групп” [18, с. 15]. В этой связи он возлагает большие надежды на статистический анализ данных, где организующие принципы проявляются как принципы общности, которые можно обнаружить в индивидуальных различиях.

Именно в этом ключе Дуаз формулирует цель своего масштабного исследования прав человека (выборка – 6791 человек из 39 стран мира): “В нашем исследовании СП мы ищем организующие принципы индивидуальных различий в репрезентационном поле” [19, с. 2]. Он уточняет, что сами “СП могут рассматриваться как организующие принципы символических отношений между людьми и группами” (там же). Для их изучения предлагается теоретическая модель, изложенная им с коллегами ранее [18] и содержащая три базовых положения. Первое состоит в признании того, что разные члены исследуемой группы разделяют общую точку зрения на изучаемый предмет. Второе – утверждение, что люди различаются по силе своей приверженности определенным аспектам СП и эти различия каким-то образом организованы. Третье положение заключается в том, что эти систематически организованные вариации “заякореваются” на коллективных символических реалиях, в коллективном опыте и убеждениях людей [19, с. 2]. Результаты исследования Дуаза и его коллег подтвердили, что в разных странах существует общее понимание основных статей Декларации прав человека. Существуют также организующие принципы, отражающие общность личностных позиций по принятию прав человека; эти принципы определяются иерархией терминальных ценностей и личным опытом людей, связанным с пережитой лично ими дискриминацией. В каждой стране СП о правах человека “заякорены” на национальных особенностях, выраженных в исследовании посредством величин специальных индексов ООН.

Жизнеспособность этой модели и возможность с ее помощью проводить политико-психологические кросскультурные исследования очевидны. Очевидна также и самобытная методологическая позиция авторов, стремящихся понять логику порождения коллективных феноменов (СП) из индивидуальных ментальных структур (личностных позиций, ценностей и установок). Это одна из немногочисленных попыток увязать

индивидуальный уровень сознания с коллективным, которая находит все больше приверженцев.

Подход через эпистемологию социальных представлений. Следуя по пути развития методологии концепции, Ивана Маркова предлагает систему взглядов, которая призвана уточнить эпистемологический статус концепции, связывая ее с различными теориями знания, а также вписать феномен СП в панораму существующих взглядов на социальное мышление. Она показывает, каким образом социокультурные теории знания трактуют развитие рефлексивного мышления, появляющегося из когнитивной Я-дифференциации, и как в эту логику вписывается феномен СП. Ключевыми понятиями, вводимыми ею в этой связи, являются понятия *когнитивной дифференциации* и *когнитивной глобализации*.

Идеи когнитивной дифференциации обнаруживаются уже в работах Болдуина, который описывал развитие разума как движение от дорефлексивных стадий к рефлексивному и научному мышлению. Рефлексивное мышление противопоставлено стандартным способам мышления. В системе Мида осознанное мышление возникает из опыта общения с другими людьми, а развитие рефлексивного Я-осознания основано на Я-дифференциации, включающей в себя возрастающую способность применять аттитюды других к собственному "Я".

Итак, социокультурные теории, полагает Маркова, акцентируют преимущественно развитие рефлексивного мышления, основанного на когнитивной дифференциации. Они подразумевают, что для того, чтобы стать независимым мыслителем, ребенок или ученый должны концептуально освободиться от ограничений, создаваемых их социальным окружением. В противоположность им концепция СП фокусируется в первую очередь на тех формах мышления, которые являются упрощенными, автоматизированными, менее рефлексивными. Это мышление, которое как раз и возникает из ограничений, воздвигаемых социальным окружением и мешающих человеку мыслить независимо. Такое мышление, инкорпорируясь в символическое социальное окружение, осваивается в бессознательной деятельности людей. Маркова называет это *когнитивной глобализацией* [26, с. 187]. Глобализирующие процессы – процессы "якорения" и объективации. В ходе "якорения" люди справляются со сложностью мира, группируя события и объекты и относя их к уже известным. Объективация же отрывает понятие от научного или профессионального контекста и дает ему самостоятельное существование. И "якорение", и объективация являются процессами, обратными когнитивной дифференциации. В развитии интеллекта и научного знания большее значение имеет когнитив-

ная дифференциация, а в формировании СП – глобализация.

Согласно Марковой, все формы знания, как образовательно-научные, так и социально-репрезентативные, включают в себя и эксплицитное, и имплицитное знание. Учитывая такую многомерность человеческого мышления при исследовании СП на эмпирическом уровне, по ее мнению, необходимо использовать методы изучения как осознанных уровней мышления, так и неосознанных. В частности, словесно-ассоциативные задания, широко применяемые в ее собственных исследованиях [27], затрагивают нерефлексивный уровень социального мышления, в то время как интервью допускает возможность размышления на рациональном уровне. На примере изучения СП о личности и ценностей индивидуализма, проведенного Марковой с коллегами [27], можно видеть, что это направление обладает большим потенциалом возможностей эмпирически исследовать разные уровни социального мышления. Таким образом, исследования Марковой продолжают развивать традицию использования качественных методов, заложенную К. Херзлиш и Д. Жодле в их ранних работах. Необходимость и адекватность использования таких методов остается аксиомой для последователей концепции СП, в то же время их результаты неизменно порождают критические суждения из лагеря скептически настроенных социальных психологов, ожидающих более убедительных доказательств действительной консенсусности и разделяемости СП, чем "пара удачных цитат" из интервью [23, с. 19].

Коллективный коупинг. Вольфганг Вагнер, один из авторитетных теоретиков концепции, предлагает свой взгляд на понятие СП, который заключается в последовательном размежевании парадигмы социального представления с традиционным социальным когнитивизмом. Следуя логике этого размежевания, он считает необходимым терминологически различать "представления" и "представление" [38, с. 248]. *Представление* – это социальные процессы, вовлеченные в *репрезентирование*, а *представления* – это образы, метафоры, изображения как результаты этого процесса. Соответственно можно изучать структуру и динамику *представлений*, с одной стороны, и процесс *представления* – с другой.

Стремясь увязать способ разработки понятия "представления" с изначально постмодернистской методологией концепции Московичи, Вагнер строит следующую логическую схему. Он берет за основу положение Московичи о том, что без предмета, значимого и релевантного для социальной группы и, следовательно, вызывающего общественный дискурс и символическую разработку, поиск разделяемых представлений не

имеет особого смысла [39, с. 347]. Такими значимыми и релевантными предметами могут быть неожиданные последствия или побочные эффекты коллективных действий (например, экономический развал), которые требуют, чтобы группа справлялась с ними, делая “незнакомое знакомым” [36, с. 112]. При этом коллективный коупинг будет вначале символическим, инициируя широкий дискурс, чтобы “заякорить” событие, а затем материальным – для выработки системы значений, которая позволила бы отвести событию место в социальном мире группы.

Примером подобного коупинга Вагнер [38, с. 250] считает процесс образования нового представления об “афро-американцах” в США (в противовес морально устаревшему представлению о “негре”). В этом случае американское общество должно было справляться с дискомфортной ситуацией расового закрепления представления о части населения – “негры”. Оно решило проблему, “заякорив” это представление на географическом понятии – “афро-американец” [34].

В кросскультурном исследовании представлений о “войне” и “мире”, проведенном в Испании и Никарагуа [39], Вагнер с соавторами применили метод словесных ассоциаций для построения семантических пространств этих СП, воспользовавшись структурным подходом к представлениям на основе выделения их ядра и периферии. Авторы доказывают, что и в Испании, и в Никарагуа ядро представления составляют элементы, связанные преимущественно с аффективным опытом респондентов, а периферию – элементы, связанные с рассуждениями, интеллектуализацией. Сформированными считались СП, обладающие устойчивым ядром. В Никарагуа исследователи обнаружили такие сформированные СП и о войне, и о мире, а в Испании – только о войне. Мир в стране, где давно не было войн, не явился “выдающимся” предметом, вызывающим в обществе дискурс, поэтому СП не сформировались. Следуя логике дискурсивной психологии, Вагнер доказал связь представления и дискурса, но при этом все же воспользовался структурной операционализацией понятия СП через теорию ядра и периферии, которую в других своих работах он считает близкой к положениям когнитивного анализа [38, с. 249]. Такая разноплановость в методологии исследований, по-видимому, неизбежна и отражает поисковый характер минитеорий, возникших в рамках концепции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В становлении и развитии концепции всегда важное место занимает утверждение самоидентичности, которое существует, в том числе и в полемике, с другими точками зрения. Особенно активно такая полемика разворачивается в отно-

шениях с наиболее близкими по предмету “соседями”. Можно, вероятно, в этом увидеть “нарциссизм малых различий” или ожесточенную борьбу за методологическую чистоту. Московичи и большинство исследователей СП признают, что эта концепция по принципиальным позициям расходится с положениями традиционного социального когнитивизма, в частности с теориями социальной схем, атрибуций, аттитудов и социальной идентичности. Вместе с тем отмежевание от когнитивизма порождает вопрос: не теряется ли за “дискурсом” и “социальным конструированием” само познание как предмет и не является ли это переходом на позиции постмодернистского агностицизма?

Что касается перспектив, то очевидно, что оттачивание методологии в продолжающейся полемике с “соседями” по предмету так же, как и попытки интеграции с теорией социальной идентичности, в частности, входит в планы теоретиков концепции [38, с. 252]. Необходимо заметить, что, несмотря на активное развитие частных направлений в рамках концепции, по-прежнему актуальными и все еще нереализованными остаются пожелания, высказанные Московичи несколько лет назад в адрес исследователей СП: обратить внимание на ценностные аспекты СП; изучать правила дискурса и их влияние на формирование СП; анализировать характер самих тем, с которыми связаны вновь возникающие СП, их связь с коллективной памятью и языком; задуматься над проблемой рациональности СП и их обратного влияния на науку; проявить интерес к таким консенсусным универсумам, как искусство и дизайн [33, с. 169]. Нельзя не признать, что эвристическая ценность концепции СП очень велика, и это привлекает к ней исследователей. Вместе с тем хочется верить, что потенциал, заложенный в ней, действительно будет реализован и СП станут предметом исследований нового поколения ученых в социальной психологии XXI в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева Г.М. Психология социального познания. М., 2000.
2. Брушлинский А.В. Социальная психология в России и теория Сержа Московичи // Предисловие к кн. С. Московичи “Век толп.” М., 1998.
3. Донцов А.И., Емельянова Т.П. Концепция социальных представлений в современной французской психологии. М., 1987.
4. Емельянова Т.П. Концепция социальных представлений в современной французской социальной психологии (критический анализ): Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1985.
5. Емельянова Т.П. Социальных представлений концепция // Психология: Словарь. М., 1990. С. 375–377.

6. Емельянова Т.П. Динамика представлений о человеке в двадцатилетней ретроспективе: опыт анализа французских исследований // Гуманизм и культура: век XX. Тверь, 1993. С. 76–85.
7. Калькова В.Л. Исследование социальных представлений в европейской социальной психологии // Социология: Реферативный журнал. М.: ИНИОН РАН, 1992. № 4.
8. Московичи С. От коллективных представлений – к социальным // Вопросы социологии. 1992. № 2.
9. Московичи С. Социальное представление: исторический взгляд // Психол. журн. 1995. Т. 16. № 1. С. 3–18; № 2. С. 3–14.
10. Московичи С., Бушини Ф. Являются ли предвзятые сообщения более эффективными, чем сообщения непредвзятые // Психол. журн. 2000. Т. 21. № 3. С. 20–33.
11. Российский менталитет / Под ред. К.А. Абульхановой, А.В. Брушлинского, М.И. Володиной. М., 1997.
12. Шихирев П.Н. Современная социальная психология. М., 1999.
13. Якимова Е.В. Теория социальных представлений в социальной психологии: дискуссии 80–90 годов. М.: ИНИОН РАН, 1996.
14. Abric J.-Cl. Central system, peripheral system: their functions and roles in the dynamics of social representations // Papers on social representations. 1993. V. 2. № 2. P. 75–78.
15. Abric J.-Cl. La notion de noyau central: bilans et perspectives actuelles // Actes de la Cinquième Conférence internationale sur les Représentations sociales. Montréal, 2000. P. 87–88.
16. Augoustinos M., Walker I. Social cognition: An Integrated Introduction. L., 1995.
17. Doise W. L'ancrage dans les études sur les représentations sociales // Bulletin de psychologie. 1992. V. XLV. № 405. P. 189–195.
18. Doise W., Clemence A., Lorenzi-Cioldi F. Représentations sociales et analyses de données. Grenoble, 1992.
19. Doise W., Spini D., Clemence A. Human rights studied as social representations in a cross-national context // European journal of social psychology. 1999. V. 29. № 1. P. 1–29.
20. Emelyanova T. Les représentations sociales sur des événements historiques: le cas de la Deuxième Guerre Mondiale; Résumé // Résumés de la Troisième conférence internationale sur les représentations sociales. Aix-en-Provence, 1996. P. 67.
21. Emelyanova T., Chupasova M. Les représentations sociales sur la démocratie en Russie d'aujourd'hui // Les représentations sociales: Des méthodes de recherche aux problèmes de société. Outremont (Québec), 2001. P. 453–465.
22. Emelyanova T., Sizova I. Social representations about psychologist's personality // Proceedings of the Fifth International Conference on Social Representations. Montreal, 2000. P. 40–43.
23. Fraser C. Attitudes, social representations and widespread beliefs // Papers on social representations. 1994. V. 3. № 1. P. 13–25.
24. Gergen K.J. Social psychology as history // Journal of personality and social psychology. 1973. № 26. P. 309–320.
25. Gergen K.J. The social constructionist movement in modern psychology // American psychologist. 1985. № 40. P. 266–275.
26. Markova I. Towards an epistemology of social representations // Journal for the theory of social behaviour. 1996. V. 26. № 2. P. 177–196.
27. Markova I., Moodie E., Farr R., Drozda-Senkowska E. et al. Social representations of the individual: a post-communist perspective // European journal of social psychology. 1998. V. 28. № 5. P. 797–827.
28. Martin J., Sugarman J. Between the modern and the postmodern // American psychologist. 2000. V. 55. № 4. P. 397–406.
29. Michael M. Some postmodern reflections on social psychology // Theory & Psychology. 1991. № 1. P. 203–221.
30. Moliner P. Validation expérimentale de l'hypothèse du noyau central des représentations sociales // Bulletin de Psychologie. 1988. V. XLI. P. 759–762.
31. Moscovici S. On Social representations // Social cognition: Perspectives on everyday understanding / Ed. by H.J. Forgas, L., 1981. P. 181–209.
32. Moscovici S. The origin of social representations: a response to Michael // New ideas in psychology. 1990. V. 8. № 3. P. 383–388.
33. Moscovici S. Introductory Address // Papers on social representations. 1993. V. 2. № 3. P. 160–170.
34. Phlogene G. "African American" as a new social representation // Journal for the theory of social behaviour. 1994. V. 24. № 2. P. 89–109.
35. Social cognition: Perspectives on everyday understanding / Ed. by P.J. Forgas, L., 1981.
36. Wagner W. Queries about social representation and construction // Journal for the theory of social behaviour. 1996. V. 26. № 2. P. 95–120.
37. Wagner W. Introduction to special issue // Journal for the theory of social behaviour. 1996. V. 26. № 2. P. 93–94.
38. Wagner W. The Social representation paradigm // The Japanese journal of experimental social psychology. 1996. V. 35. № 3. P. 247–255.
39. Wagner W., Valencia J., Elejabarrieta F. Relevance, discourse and the "hot" stable core of social representations – A structural analysis of word associations // British journal of social psychology. 1996. V. 35. № 3. P. 331–351.

SOCIAL REPRESENTATION – NOTION AND CONCEPTION: LAST DECADE SUMMARY

T. P. Emelyanova

*Cand. sci. (psychology), docent, head of the chair of social psychology,
dean of psychological department, Tver State University, Tver*

The causes of increasing popularity of conception of social representations in the last decade are considered and ambiguous comprehension of its methodology in different social-psychological schools is analyzed, too. An attempt is made to show the ambiguity of this conception status a cognitivist of social constructivist and social differently based. New representations approaches appeared in this framework during last decade are discussed: central nucleus and periphery of social representation (Abric), organizing principles of metasystem (Doise), epistemology of social representations (Markova), social representations understood through mechanism of collective coping (Wagner). The possible ways of conception development in the future are outlined.

Key words: social representations, social cognitivism, social constructivism, collective coping, discursive psychology, consensus universe.